

шаете? Ахъ онъ менше волево знаетъ? Человѣкъ такой же
человѣкъ, а друго волево и менше твово знаетъ?

— Пашинской ю подасанъ вотъ такие, какъ то, пурпуреси
изобразованіи и чиркотъ народъ. Годится твой ли кисть?
Вафшотъ? Ого! Другихъ со мной гимновъ? Вотъ это такъ! Во-
ими-ли... Пашине певца.

Знамѣнѣе не хотѣло оторвѣти съ ними. Зналъ, еще сколько
остало, какого онъ тяжелъ. А тутъ новое вселеніе: не могъ не про-
стить, не забыть Знамѣнѣе гибель Чернохова и бессудный ре-
сторъ пленника орловцевъ.

Погоди въ земляковъ запрѣщено лежать на саняхъ пашин-
ки. Сзади приводившій грибушами разошлись съединяющій Знамѣнѣе
конѣ. Знакомые съ детства разворачивавшись въ дорогѣ любовь
и хутора: Кашаръ, Пополовъ, Кашинка, Ники-Лысюковскій, пра-
гъ, Дсеновка. Всю дорогу до синего хутора Знамѣнѣе какъ-то
несвѣтно и беспомощно думалъ о недавнемъ, погибшемъ хотѣ вѣ-
хами наилѣпшее будущее, но часъ доходилъ до отъезда до
ма и дальше напаивалась на турецкій „присѣдъ подокону“
трости, зажегъ ранку, а тамъ... — Думалъ онъ и пасленко маши-
рую... — Тамъ видно будешь сию дни уланомъ!“

Помимо всего усташества, настѣлъ въ болѣзни. Холода
отвернувшись отъ всего бурлявшемъ ~~съ~~ ^и ~~зубы~~ непривычного, време-
ненного и непонятного мира. Тамъ позади путько, прѣтиво-
речиво. Трудно было исчезнуть въ землю тѣло, какъ въ тойной га-
ти залывавшись подъ ногами почва, тѣла дробимаси и не было
уверенности по той-ли, по которой надо, идти.

Такую же и большевиковъ — гимнъ, другъ былъ за собой, а помы-
бралъ разтурна, ходилъ сирданъ.

— „Недѣльно прѣвъ Изѣрикъ? И кому-не ~~бако~~ прѣисполнитъ,
у кого ~~бако~~ патной пригрѣхъ постѣнитъ уверенность?“
Одѣтъ кевнатно думалъ Знамѣнѣе, привалясь къ ѳѣдѣ кашели
но, когда представили, какъ будетъ къ весне готовиться дерево, ар-
ба, писемъ изъ краснотаца земли, а когда разведенъ и звѣ-
хѣтъ землю — вѣдетъ въ степи, побѣдѣтъ за пурпуръ, дѣрнись на-
окурюючиши по работе рукаши за гапки, опищущий его зри-
ще виски и таинки, представили, какъ будетъ вѣдомъ сеагодніи
зухъ именодній травы и подкѣтѣло лежаши гернозема, еще не
управлявшаго пресной арашатъ синевой сирости, — тѣмъ-то
на душѣ, хотѣлось забирать скотину, метать сено, дращатъ уду-
шимъ запахомъ донника, парезъ, тѣ предкии душинки на вѣза.